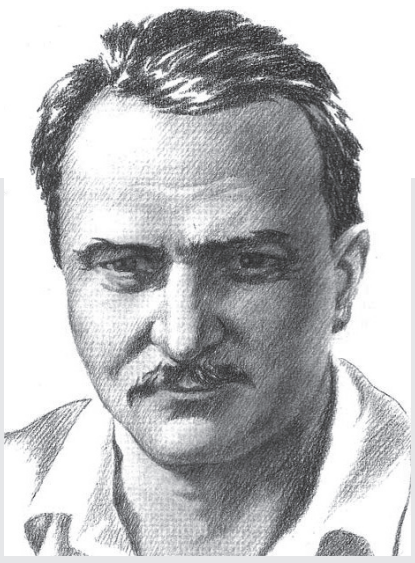
11 февраля – 125 лет со дня рождения В.В. Бианки

Виталий Валентинович Бианки – любимый многими детьми и взрослыми писатель-натуралист, оставивший большое литературное наследие. Рассказы и повести Бианки учат любить природу, понимать её глубокий смысл, принимать и ценить её многообразие.



Виталий родился в 1894 году в Петрограде. Его отец был учёным, изучавшим птиц – орнитологом при Академии наук. Своеобразная фамилия указывает на итальянское происхождение семьи Бианки. Отец Виталия Валентиновича работал сотрудником музея зоологии Российской Академии наук. Отец часто брал с собой на работу маленького Виталия и двух его братьев. Интерес, который порождало великое многообразие экспонатов, формировал личность будущего натуралиста. Виталий поступил на естественно-научное направление физмата Петербургского университета. Но в 1917 году началась гражданская война и его призвали в армию.

После войны Бианки уехал на Алтай и жил там некоторое время под вымышленной фамилией Белянкин. После прихода красных партизан к власти, Виталий Валентинович в городе Бийске организовал краеведческий музей и параллельно работал учителем в школе.

С юношеских лет Бианки очень любил охоту и часто выбирался в лес. Он начинал свой путь с отцом-орнитологом, который научил его самому главному в походах в лес – при себе всегда должен быть путевой дневник, куда необходимо вносить свои наблюдения. Любой биолог всегда с собой носит полевой дневник. С такими полевыми дневниками Бианки все своё свободное время отдавал походам в лес.

В 1922 году он вернулся в Ленинград. Его пригласили в кружок писателей для детей при Петроградском педагогическом институте. Здесь он познакомился с такими видными писателями эпохи как К.И. Чуковский, С.Я. Маршак и многими другими. Большой объём наблюдений за живой природой не мог больше оставаться в путевых записках и дневниках, и в 1923 году в журнале «Воробей» появилось созвучное названию журнала произведение – «Путешествие красноголового воробья». Рассказ имел огромный отклик у читателей. Вскоре произведения автора начали печататься на страницах многих изданий, таких как «Мурзилка», «Ёж», «Чиж». В журнале «Воробей» появилась рубрика «Лесная газета», где Виталий Валентинович публиковал свои небольшие рассказы, а также рассказы читателей, которых он называл лесными корреспондентами - «лескоровцы».

В 30-е годы Бианки уехал на Урал, где из-под его пера вышли серьёзные произведения для взрослых – «Конец земли», «Птицы мира» и некоторые другие. После войны Бианки вновь вернулся в родной Ленинград, где до самой смерти в 1959 году он активно писал и участвовал в общественной деятельности. Он был бессменным руководителем кружка любителей природы – «Клуб Колумбов». Книги Виталия Бианки – это источник знаний о родной природе России.

В.В. Бианки похоронен на Богословском кладбище. А на нашем Шуваловском похоронены его отец, мать, дед и другие члены его семьи.

Рассказ «ПРИКАЗ НА СНЕГУ»

Пообещал я как-то сынишке взять его с собой на охоту – тропить зайцев. И с тех пор не стало мне покоя. Каждое утро, чуть свет, сынишка врывается ко мне:

– Вставай! Сегодня пойдём? Погода хорошая.

Ему на охоту идти погода всегда хорошая. А зверя тропить, то есть разыскивать по следам, – не всякий день удобно. След разный бывает, смотря по погоде.

Я откажусь идти, а сынишка хныкать:

– Опять не хочешь! Ведь откладываем да откладываем… Когда же наконец пойдём?

И придумал я военную хитрость.

– Слушай, – говорю, – мою команду!

Он сразу руки по швам.

– Есть, – говорит.

– Ну вот: зря меня больше не буди. Утром, как встанешь, первым делом беги в садик. Там на снегу прочтёшь мой приказ – выходить в поход или нет.

– Есть, – говорит, – выходить утром в сад.

Он лёг спать, а я взял палку и вышел из дому.

Дом у нас с палисадничком. Зимой в палисаднике никто не ходит. Снег там как выпадет, так и лежит нетронутый. Я просунул палку сквозь забор и написал на снегу печатными буквами – сынишка у меня ещё маленький, только по-печатному разбирает:

СЕГОДНЯ НЕ БУДИТЬ!

В ту ночь я выспался хорошо: сынишка не пришёл будить меня спозаранку. Я встал, оделся и посмотрел в окно. Моё окно выходит как раз в палисадник, и моя надпись видна мне прямо из комнаты. Утро было серенькое, безветренное, тёплое: градусник за окном показывал чуть-чуть выше нуля. Снег не блестел, казался грязноватым, как плохой мел. Тусклым, скучным лежал мой приказ на снегу.

Я порадовался своей выдумке: ведь по этой надписи мне каждый день будет видно, какие изменения происходят и со следами в поле.

Стенки букв подтаивали, буквы расплывались, как на промокашке. В такой хмурый день свежие следы быстро расплываются, а прежние следы кажутся одинаково старыми.

Я спокойно сел за работу.

На второй день опять не пришёл будить меня сынишка.

Утро было солнечное; ещё с ночи завернул такой мороз, что снег стал, как пастила: сверху подсохла толстая корка – наст. По нему не только лёгкий зайчишка – волк и тот не провалится. И следа никакого не оставит – разве кой-где когтями царапнет. Надпись моя казалась нацарапанной ножом по льду. Стенки букв сверкали, как срезанный металл. Ямки наполнились мёрзлой крупкой. В такую погоду найдёшь одни старые следы, новых нет.

И третий день не принёс ничего хорошего.

Опять был мороз да ещё с ветром – позёмкой. Сухой крупитчатый снег мело по земле – пудрило следы. Буквы точно кто столовой солью посыпал. Пойдёт заяц утром с поля, где кормился, – с жировки, – его следы сразу и припудрит.

Как их отличишь от его вечерних следов?

Сынишка ходил насупленный, но молчал – приказ оставался в силе.

Я поздно засиделся в ту ночь за работой. Лёг под утро.

– Подъём! – вдруг кто-то крикнул мне в самое ухо, как бывало на военной службе. Но что-то больно уж тоненький голосок у дневального.

Я с трудом открыл глаза.

– Будись живо! – кричал сынишка. – Я уже чай пью.

Я только глянул в окно – и сразу убедился, что он не напрасно меня поднял: на оконной раме, на заборе лежал толстый, пухлый, как вата, снег.

Значит, перед рассветом выпала мёртвая пороша.

Так называют охотники выпавший ночью густой снег – лучший помощник следопыта. Он начисто засыпает все старые следы. Утром в поле глазам охотника открывается мёртвая белая пелена. И только самые свежие – утренние – следы зверей чётко отпечатываются в новеньком рыхлом снегу.

Я так заторопился на охоту, что забыл посмотреть на свою надпись. Да и ни к чему было: её, конечно, так же занесло, как и все старые следы.

Зимой зайца трудно увидеть – не только белоснежного беляка, даже серого русака.

Но только мы с сынишкой выехали за кладбище, сразу увидели след зайчий.

Слышу, сынишка шепчет про себя тихонько стишки собственного сочинения:

Лап от задних пяточки
Впереди,
От передних пятачки
Позади.

Он у меня уже знает, что заяц на бегу заносит длинные задние ноги вперёд передних. След от задних продолговатый, пяточкой впереди, от передних – круглый, как пятачок, позади.

– Сам на кладбище пошёл помирать, – уверенно доложил сынишка. – Поворачивать?

– Нет, постой, – предупредил я, занося лыжи немного вбок. И снял с плеча ружьё. – Это ведь русачий след, а русаку чащи не надо, чтобы залечь. Смотри: дальше след оборвался. Тут заяц двойку сделал: повернул и пошёл назад своим следом. А вот скидка: он прыгнул в сторону, погоди-ка, вон не у того ли куста он залёг?

И только мы стали подходить к этому кусту, за ним мелькнули чёрные кончики длинных ушей. Я выстрелил. Здоровый русачина подскочил выше куста, перекувырнулся через голову и пропал.

Когда мы подошли, он уже не дрыгал, зарывшись в снег.

Без труда мы вытропили ещё трёх русаков и одного беляка. Но застрелить удалось ещё только этого беляка: остальные благополучно от нас удрали.

Мы отыскали длинную палку, привязали к ней за лапки обоих зайцев – серого и белого – и понесли их домой. Я держал палку в руке, сынишка положил другой конец её себе на плечо.

У самого дома нам встретился сосед. Он посмотрел на нашу добычу и сказал:

– Дельно! Тропили?

– Тропили.

– Так. Хорошее дело. Я вот тоже своего парнишку от молодых ногтей приучаю к разным следам присматриваться. Следопыт-охотник и на войне всегда первый разведчик и партизан тоже.

Слово «война» напомнило мне про мой приказ на снегу.

– А тебя всё-таки наказать надо, – сердито сказал я сынишке. – Ведь приказ-то был не будить меня!

– Я не виноват, – заявил он, нисколько не испугавшись. – Что осталось на снегу от приказа, то я и сделал.

– Как так? – не понял я.

– Сам посмотри.

Я взглянул через забор в палисадник. Там в ярком солнечном свете ослепительно блистало на снегу одно только короткое слово:

БУДИ

Остальных букв не было и следа.

– Я вижу, – объяснил сынишка, – каждый день буквы всё хуже. Я взял дощечку и прикрыл эти четыре буквы, чтобы приказ совсем не замёрз.

Маленький, маленький, а какой хитрый!